

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

124

*Let 7 continue
September 1978*

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 124

TRIMESTRIEL

I - 1978

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Н. А. БЕРДЯЕВА

(сделаны Е. Ю. Рапп)

Когда отдают последнюю рубашку, в мире увеличивается количество любви, когда отнимают рубашку, в мире увеличивается количество ненависти.

Христианство должно иметь отношение не только к личной жизни человека, но и к его социальной жизни, ибо социальная жизнь охватывает отношения человека к человеку.

Благодать Христова есть благодать свободной любви, той любви и свободы, которая преодолевает и свободу зла и принудительность добра.

Современное идолотворение связано не с богами природы, а с богами истории и цивилизации.

Религиозным творчеством я называю ответное откровение человека Богу, человеческое творчество, вознесенное до религиозного смысла совершающейся божественной мистерии. В нем не Бог рождается в человеке, а человек рождается в Боге. Это творчество человека нужно Богу для завершения дела творения в свободе и любви.

Творческий акт человека не вопрос о том, что нужно Богу от человека для осуществления

Н. А. Бердяев

На съезде Р.С.Х.Д., август 1930.

высшей Его идеи о человеке и мире. Это двойной процесс.

Церковь нельзя увидеть извне и понять, нельзя рационально определить. Нужно жить в церкви. Она постижима в моем опыте. Церковь не видимая вещь, эмпирическая действительность. Не в чувственном опыте раскрывается церковь, а лишь изнутри в свободе, в духовности. Она мистически пребывает за пределами внешних камней, обрядов, церковной иерархии.

Церковь не есть что-то, предметная реальность. Церковь все, вся полнота бытия, жизнь мира и человечества, но в состоянии охристовления, благодатствования. В Церкви цветы, звуки и растет трава. Церковь есть мир, как красота.

Церковь также видимая, внешне воплощенная. Она так же исторически воплощена, как исторично воплощение Христа. Ее основание в Таинствах, в жизни Святых, в иерархии, в Соборах и пр., но видимая церковь лишь частично актуализирует церковь невидимую, лишь частично, не вполне охристианизирует мир и человека. Тело Христово — космическое тело. Оно видимо явлено нам в Таинствах церкви и догматах. Догматы церкви являются лишь символическим выражением истин духовного опыта, наиболее реальных встреч человека с Богом.

Христианство явилось в мир не как статическая неподвижная истина, а как истина динамическая, развивающаяся в истории.

Мы вступаем в эпоху, когда в мире происходит перевоплощение. Тлеют старые одежды человечества, разлагается историческая плоть, мир как бы развоплощается. Развоплощение сопровождается гибелью красоты. Материализация и механизация жизни и есть развоплощение. В развоплощении действуют и злые и добрые духи.

Дух организует материю, а не наоборот.

Либерализм понял свободу не как тяготу и бремя, не как долг совершеннолетних, а как право, как легкость, как освобождение от стеснений.

Тоталитаризм есть ложно направленная религиозная потребность.

Свобода есть определяемость из глубины духа, а не общества и не собственной низшей природы. Биологически человек зависит от природы, социально от общества и лишь духовно он независим.

Социальное переустройство мира будет сопровождаться уменьением свободы. Это результат передвижения огромных масс и обращенность к материальному устройению жизни. Борьба за свободу духа будет требовать героических усилий.

После необходимого периода материализма предстоит период обостренной духовности. Но совершенный монизм можно мыслить только эсхатологически.

Я не принимаю создания нового мира на слезинке невинного ребенка, но слезинка ребенка уже пролита. Иисус Христос был распят и по моей вине. История осуществляется страшными жертвами. Бесконечно ценная личность с ее духовной свободой поставлена в этот процесс света во тьме. Она не может не принять этот процесс или уйти от него. Она должна брать на себя его муку и вносить свет.

Религиозные черты марксизма: догматичность системы, разделение на ортодоксию и ересь, Ленинизм — Сталинизм — Священное Писание, разделение мира на верующих и инако верующих, иерархическая организация, подобно церкви с папой во главе. Свобода по Марксу есть результат необходимости. Это отрицание свободы, которая связана с духовным началом. Противоречия марксизма отчасти связаны с тем, что марксизм есть не только борьба с капитализмом, но и его жертва.

Суверенитет государства, демократии, общества, народа — ложная идея. Неотъемлемые права человека более глубокий и основоположный принцип чем суверенитет народа, и тем более класса.

Когда благая цель осуществляется без благой, излучающей энергии в самых осуществляющих, то средства делаются дурными.

Марксизм есть философия благ, а не ценностей.

Ложь материализма в том, что высшее считается эпифеноменом низшего или иллюзией.

Когда вы хотите осуществить качественные ценности, красоту, справедливость, то они могут осуществиться лишь тогда, когда средства, которыми вы хотите осуществить, проникнуты этими ценностями.

Перед нами три исхода:

- 1) распадение космоса (капиталистический режим, атомная бомба). Разверзающийся хаос, не древний хаос до творения мира, а хаос созданный человеком после грехопадения, хаос рационализации.
- 2) насильственный порядок (коммунизм), предельная механизация коллектива.
- 3) внутреннее преодоление хаоса, духовное возрождение, эпоха творчества.

Церковь обращена к вечности, имеет вечные основы, но она обращена также к процессу во времени и должна иметь социальный язык, связанный с временем, иначе в ней нет человеческого элемента.

Против нового рабства коммунизма нельзя бороться скептической, формальной свободой, можно бороться лишь освобождающей истиной.

В нашу эпоху слабость христианских церквей перед чисто демоникальным движением мира означает конец целой эпохи христианства. Переход от исторического христианства, в котором Свет идет от прошлого, к христианству эсхатологическому, в котором свет будет исходить от будущего. Мы — в антракте. Для перехода к новой эпохе в христианстве нужен не уход от процессов мира и гордое возвышение над ними, а вхождение в эти процессы, активное изживание судеб мира и человека при внутренней свободе от этих процессов, недопущение рабства миру. Преодоление понимания христианства, как религии личного спасения и понимание христианства как социального и космического преображения, Царства Божьего.

Человек иной, чем в эпоху вхождения христианства в мир. У него иное отношение к проблеме самого человека, к обществу,

к космосу. Он обращен ко всей твари. Невозможна уже религиозная изоляция, невозможно индивидуальное спасение вне спасения всех моих братьев и всей твари.

История пребывает в вечности. Она начинается на земле и кончается на небе. В истории происходит борьба вечности и времени, жизни и смерти.

Отпадение от памяти, от предания есть отпадение от духа вечности и ниспадение в смертоносную временность.

Одно сохранение прошлого есть претензия оторвать прошлое от господства над ним духа вечности, один соблазн творчества есть претензия оторвать будущее от господства над ним вечности.

Совесть — глубина человека, на которой он соприкасается с Богом и слышит голос Бога.

Смерть есть событие существующее извне, изнутри смерти нет, она есть лишь момент вечной жизни; отпадение от вечности во время — мистерия жизни.

Трудность вопроса об аде в том, что невозможно детерминировать спасение и невозможно детерминировать ад в сознании Божьем.

В основе христианства лежит не отвлеченная идея добра, а живое существо, личность, ее отношение к Богу и к ближнему т. е. бытие, а не норма. Существо выше отвлеченного добра.

Страшный Суд будет не судом Божьим, он не будет походить на суд человеческий, на нашу карательную справедливость, на наши казни и тюрьмы. Суд Божий стоит «по ту сторону добра и зла». Он будет обнаружением сверх-добра.

Мистика не душевное, а духовное состояние, в котором человеческая душа выходит из своей замкнутости и переходит в непосредственное соприкосновение с божественной действительностью. Мистика не субъективная романтика, а трезвое раскрытие реальностей.

Мистика предполагает тайну, т. е. невыразимую глубину. Тайна, с которой возможно общение, т. к. есть родство, общность между человеческим духом и Божественным духом.

Путь творчества есть религиозный опыт. В творческом экстазе еще большая отрешенность, чем в смирении, большая дума о Боге, чем о себе.

Не во имя свое творчество. Творчество жертвенно. Творчество не проходящее через жертву — пустота.

Наступил период, когда только в христианстве остался человек и творчество. Творчество раскрывается, как служение Богу, раскрывается, что творчество человека — соучастие в деле Божьего миротворения.

Люди разделяются на две расы: на тех, которым мучительно чувствовать зло и страдание мира, и на тех, которые к этому равнодушны.

Нельзя спасаться индивидуально. Мое спасение предполагает спасение всех других, всеобщее спасение. Нельзя пользоваться раем, когда мучаются в аду.

Мир чисто интеллектуального познания есть мир фиктивный, абстрактный.

Очищение Бога от категорий, связанных с властью и силой, взятых из идеи государства. Идея Бога аналогична лишь тому, что раскрывается в духовной жизни и чистой человечности.

Бог присутствует не в имени Бога, не в магических действиях, а в природе, в красоте, в героическом акте, в любви, в согласии свидетельствовать об истине, в согласии на жертву.

Меня всегда мучили не догматические, богословские или канонические вопросы, а вопросы о страдании, зле, свободе, смысле жизни.

Моя мысль никогда не была сведением счетов с собой, борьбой со своим бессознательным, она была борьбой с врагом.

Мое основное свойство: лучше себя чувствую при активном состоянии, чем при пассивном. Сидя, лучше чем лежа.

У меня незыблемая вера в Бога. Смысл мира в Боге. Не верю в самодостаточность мира и человека. Смысл мира в Боге. Несение Креста я переживаю творчески активно.

Во мне изначальное чувство своей особенности, непохожести на других. Я лишь внешне притворялся, что такой, как другие люди. Я всегда чувствовал, что попал не в свой, а в чужой мир.

Страдание, радость, трагический конфликт — источник моего познания. Я только так познавал, не интеллектуально.

В философии я всегда стремился не к исследованию проблем, а к раскрытию смысла жизни и созданию лучшей жизни.

Самый сильный переворот в моей жизни произошел, когда я был мальчиком. Это было озарение. Мне раскрылось, что всю жизнь я должен искать смысл жизни и Истину.

Свободный акт духа я противопоставляю року. Он означает определяемость не круговоротом космической жизни, а внутренней силой, в которой человек не зависит ни от чего для него внешнего. Чувство тяготеющего рока означает, что человек зависит не от Бога, а от мира, от других людей. Свободный акт духа и значит, что человек не соглашается зависеть от космических или человеческих сил. Вся моя религиозная жизнь связана с тем, что я не соглашаюсь ни от чего и ни от кого зависеть. Бог и есть эта моя независимость.

ИЗ ПИСЬМА Н. БЕРДЯЕВА к З. ГИППИУС 1906-1907 г.г.

(печатается впервые)

В литературных кружках отсутствие реализма и органичности, мистификация. Я полюбил все органическое, жажду мистического реализма. Сходимся с Карташевым в жажде религиозного гнозиса, как светлого солнечного утра. Когда слушаю разговоры Волошина о люциферианстве, является желание вступить в разговор с цветами, чтобы услышать **р е а л ь н о е**. Пора перестать интересоваться демонизмом и обратить внимание на реальный демонизм, творящий на земле свои мерзкие дела. Хочу написать книгу, в которой будет переработка нового религиозного сознания в объективную религиозно-философскую систему. Это будет учение о Логосе. Если мне удастся выполнить, это будет **п р а к т и ч е с к и м** действием, исполнением того, к чему я предназначен.

Интересуюсь учителями Церкви, гностиками. С большой твердостью я избрал свой путь. Мне кажется ошибочным видеть религиозное действие в образовании и укреплении общины, в организации; я бы сказал в религиозном корыстолюбии и властолюбии. Религиозное умозрение Оригена, Иустина Философа, Максима Исповедника в религиозной истории мира безмерны. Для меня религиозная жизнь прежде всего бескорыстна. Высочайший подъем религиозной жизни созерцательно-чувственный, а не волюнтаристический: «Да будет воля Твоя, а не моя». Вот сущность теократии, а не корыстная человеческая воля. Социал-демократия — вот яркий пример корыстно-волюнтаристического отношения к миру; она вся основана на обожествлении человеческой воли и ей можно противопоставить то состояние, когда человек отдает себя воле Божьей.

Тернавцев предложил возобновить религиозно-философские собрания. Розанов завял. Я чуть ли не единственный активно отстаивающий религиозные идеи. Начинается новый период. Появляются неожиданные молодые люди. Мне все кажется, что истинное преображение связано не только крепким соединением нескольких в общину (это только новый монастырь), но и с нахождением новых путей к миру, к природе, к каждому человеческому лицу, в котором посредством Эроса нужно прозреть идею Божью. Я опытным путем прозрел, что прежде всего нужно уничтожить в себе самовозвеличение, самолюбие, тогда только может начаться бескорыстная любовь к миру.

Нужно идти в мир не зараженным кружковщиной, литературной или революционной. Развитие мира есть органический процесс.

Я не разделяю настроения Булгакова, который сделался совсем правым и ненавидит революцию. Я в спасение революцией также не верю. Я вижу ее внутреннее банкротство, как и банкротство либерализма и царизма. С В. Ивановым у меня нет никакой идейной связи. Я не могу принимать всерьез человека, который сделался мистическим анархистом под влиянием Чулкова. Я страшно одинок. Живу духовно, как в монастыре.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ Н. А. БЕРДЯЕВА К Г. П. ФЕДОТОВУ

1933.

Я устраиваю у нас встречу русских представителей «Утверждений» и «Нового Града» с представителями «Эспри» и «Ордр Нуво». Очень прошу приехать к нам в понедельник — день собрания.

1937.

В субботу у меня начинается философский конгресс. В это время я должен еще быть на съезде против войны и милитаризма и читать доклад американцам, путешествующим в Россию. Очень тяжело при моей усталости и плохом самочувствии. Надеюсь видеть Вас на собрании «Нового Града», если день будет для меня выносимым.

1939.

Я получил из Богословского Института бумагу, копию которой пересылаю Вам. Я согласен напечатать этот документ с моим ответом.* Объяснение Богословского Института совершенно неубедительно и противоречиво. Верно лишь то, что не было употреблено слово ультиматум, по-моему фактический, моральный (не юридический) ультиматум был. Может быть Вы со своей стороны напишете ответ? Я основываюсь главным образом на

* Конфликт возник в связи с политическими высказываниями Г. П. Федотова в «Новой России». Статья Н. Бердяева появилась в книге «Пути» № 59, 1939.

данных, сообщенных мне Ел. Ник.* и матерью Марией. Боюсь, что моя статья очень ухудшила Ваше положение и создала Вам новые затруднения... Моя статья создала ряд затруднений для «Пути». Ряд сотрудников отпадает. Поэтому те, которые остаются верны «Пути», должны более энергично писать в журнале, иначе журнал не может существовать... Меня глубоко тронуло Ваше письмо. Вы правы, что я человек одинокий и действую одиноко. Думаю, что Вы меня понимаете лучше других. Но у меня характер слишком страстный и склонный к действиям очень резким. Сейчас у меня создан конфликт с Андерсоном,** который думает, что я нанес тяжелый удар Богословскому Институту и «Пути», и еще более резкий конфликт с Вышеславцевым, с которым придется в деятельности разойтись. Общество Защиты Христианской Свободы, по-моему, оказалось мертворожденным. Вялость, разногласия, неимение задач. Объединение со Струве для меня было бы невозможным. Франк отказался. С Вышеславцевым неприятное столкновение.

1940. Пила.

Когда я писал Е. Н., положение здесь было очень неопределенное и все было переполнено. Сейчас положение изменилось, можно найти свободные комнаты, но я менее всего советовал бы сюда ехать. В вашем описании жизнь на острове представилась мне жизнью райской. Мы живем не в самом Аркашоне, а около. У нас лес и чудный воздух. Но есть большое несоответствие между атмосферой природы и атмосферой человеческого общежития. Все, впрочем, соответствует моему катастрофическому чувству жизни и подтверждает мои предвидения. Но я по обыкновению каждый день пишу книгу и наслаждаюсь своей любимой стихией леса. Илья Исидорович (Фондаминский — Т.К.) и Конст. Вас. (Мочульский — Т.К.) здесь. Ил. Ис. в состоянии более подавленном, я его никогда таким не видел. Конст. Вас. гораздо бодрее.

1940. Пила. Август.

Жизнь в Аркашоне и у нас в Пила очень изменилась. Сейчас легко найти свободные комнаты и атмосфера легче. С едой не-

* Елена Николаевна, жена Г. П. Федотова.

** Павел Францевич Андерсон — деятель ИМКИ, большой друг Православия, один из основателей как Богословского Института, так и издательства ИМКА-ПРЕСС.

которые затруднения, но существовать можно. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы были здесь. О многом хотелось бы поговорить. Мы хотим вернуться в Париж в начале сентября. Ничего угрожающего нет и вернуться в Париж можно вполне свободно и спокойно. Но настроение подавленное и печальное. Совершенно еще не ясно, какие формы деятельности будут возможны. Думаете ли Вы вернуться в Париж и когда именно? Я все-таки убежден, что во Франции нигде не имеет смысла жить, кроме Парижа. Мировые события меня мало удивляют и интересуют. Я давно предвидел наступление подобного рода эпохи, хотя и не в конкретных проявлениях. Думаю, что такой темп событий будет еще лет 50, т. е. весь XX век, хотя и с антрактами. Менее всего это должно было бы удивлять христиан. Во мне возрастает отвращение к политике. Я, впрочем, никогда ее не любил и в отношении жизни общества был не политиком, а моралистом. Конфликт личности с миром, историей и обществом во мне давно уж углубился до метафизических первооснов... Мы все кряхтим и имеем немощи. Скажите Ел. Ник., что Мури,* конечно, с нами и наслаждается воздухом соснового леса.

ПИСЬМО Н. А. БЕРДЯЕВА К Л. И. ШЕСТОВУ

Кламар, 30 октября 1938

...Твою статью обо мне я уже прочел.** Я доволен, что Ты ее написал, она написана в дружеском тоне.

Русская критика меня всегда игнорировала, почти бойкотировала (исключение В. Розанов, который написал о книге «Смысл Творчества» четырнадцать статей), но вместе с тем у меня было тяжелое чувство существования в разорванных мирах, которые не могут проникнуть один в другой. Как и всегда, Ты делишь мир на две части и относишь меня к другой части, что мешает индивидуализировать мою мысль. Ты ставишь меня в зависимость от Шеллинга, который никакой роли в моей жизни не играл. Шеллинг принадлежит к монистическому и натур-философскому типу мыслей, который мне чужд и антипатичен, противоречит моему крайнему персонализму.

* Кот Бердяевых.

** См. статью Шестова в «Современных Записках» № 57, 1938.

Я действительно очень люблю Я. Беме и он имел для меня большое значение. Но я понимаю свободу иначе. У Беме Ungrund, который я истолковываю как свободу, находится в Боге, как темная природа, для меня же свобода находится вне Бога. В этом смысле я скорее дуалист, чем монист, хотя все эти слова неудачны. Достоевский и Ницше играли гораздо бóльшую роль в моей жизни, чем Шеллинг и немецкий идеализм. Когда я говорю о безблагодатности Ницше или Киркегарда, то эти слова совсем не имеют порицательного смысла; самого себя я тоже считаю малоблагодатным, но особенно меня поразило Твое неверное истолкование моих слов: «Киркегард умер не получив Регины Ольсен, Ницше умер, не излечившись от ужасной болезни и т. д.» Смысл обратный тому, который Ты мне приписываешь. Об этом нужно поговорить при свидании. Главное же вот что: Ты меня обвиняешь, что я навязываю свою истину, как общеобязательную, как долг, но Ты делаешь абсолютно то же самое. У меня есть абсолютная и очень исключительная истина и она обязательна для спасения от власти необходимости, от внушения Змия. Обо всем этом лучше поговорить, хотя трудно убедить друг друга. В одном Ты очень ошибаешься: я совсем не пастух, у меня нет никакого стада. Я человек боевой и думаю больше о враге, чем о стаде.

Н. А. БЕРДЯЕВ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Я родился в марте 1874 года в г. Киеве. Отец мой происходит из старого дворянского рода, из быта помещичьего и военного. Служил он в Кавалергардском полку, потом был предводителем дворянства Киевского уезда, где имел родовое имение, участвовал в турецкой войне, потом 25 лет был директором земельного банка. Дед и прадед тоже служили в Кавалергардском полку, были георгиевскими кавалерами и генералами. Прадед генерал аншеф Н. М. Бердяев был при Павле I Новороссийским военным губернатором, и его переписка с Павлом была напечатана в «Русском Архиве». Дед мой был героем Кульмского сражения в 1814 г. Семейные рассказы о силе характера, благородства и гуманности деда (он был горячим сторонником освобождения крестьян) и портрет его в генеральской форме Николаевских времен в детстве производили на меня сильное впечатление. Бабушка моя со стороны отца, рожденная Бахметьева, была очень религиозна. Она была близка к старцу Парфению Киево-Печерской Лавры, бывшему в свое время светочем православия. Бабушка была монахиней, в тайном постриге еще при жизни мужа. С детства ярко врезался у меня в памяти монашеско-военный быт Печерска, той части Киева, где так своеобразно соединились монастыри с крепостью, монахи с военными. Там у бабушки был дом. Никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня смерть бабушки. Бабушка давно ушла от света, жила строгой церковной жизнью. У нее был художественный дар, который целиком ушел на писание икон, но мы не знали, что она была монахиня. Когда она умерла, монахи одели ее в монашеское облачение и хоронили ее по монашескому чину. Почувствовалось, что бабушка принадлежит монахам, а не семье.

Мать моя, рожденная княжна Кудашева, по матери была французенка и получила французское воспитание. Помню с детства, что молилась Богу она всегда по французскому молитвеннику. Бабушка моя со стороны матери была графиня Шуазель, дочь посланника гр. Шуазеля, а прабабушка графиня Потоцкая. Крестной матерью моей была наша родственница гр. Красинская, жена великого польского писателя гр. С. Красинского. Я всегда очень сильно чувствовал в себе французскую кровь. Если со стороны отца в меня вошло органическое славянофильство, то со стороны матери вошло органическое западничество с преданиями рыцар-

ства. С детства я часто бывал за границей. Бабушка моей матери княгиня Кудашева, рожденная грузинская княжна Баратова, тоже была монахиней. Она стала монахиней после смерти мужа и жила в Киево-Печерской Лавре. Так что у меня с двух сторон были бабки монахини.

В детстве я пользовался большой свободой и независимостью, которую очень активно отстаивал. Мне предоставляли читать все, что я хотел, и никто мною не руководил. Детство проводил без сверстников и товарищей. Помню, что одним из самых сильных чувств моих была любовь к родине, доходящая до фанатизма. Воспитывался я в Киевском Кадетском корпусе, но был приходящим. Корпуса я не любил, от товарищей чувствовал отчуждение, учился посредственно и жил собственными умственными интересами и книгами. Одно время очень увлекался живописью и даже кончил рисовальную школу. По переходе в 6 класс я был переведен в Пажеский корпус, так как еще в детстве был записан в пажи. Но вместо переезда в Петербург я осуществил давно уже созревший план: вышел из корпуса и стал готовиться на аттестат зрелости для поступления в Университет. Сделал я это, несмотря на сильное противодействие семьи.

Я много читал, рано почувствовал призвание к философии, но всегда был совершенным автодидактом. С детства определился у меня индивидуалистический склад характера. В четырнадцать лет я по собственному почину читал книги по философии. До поступления в Университет у меня был очень ограниченный круг знакомых, исключительно родственников и светских, так что люди очень мало оказывали влияние на меня. Мое духовное развитие протекало в постоянном противлении окружающей среде. В пятнадцать лет у меня произошел глубокий духовный перелом, чисто религиозный и моральный, после которого я порвал с тем бытом, к которому принадлежал по рождению, и окончательно уединился. Еще больше ушел в книги, но без всякого руководства. Я был религиозен, но религиозность моя была не бытовая и не ортодоксальная. Самое сильное, раннее и определяющее влияние на меня имели Достоевский и Л. Толстой, на которых духовно воспитался. В философию ввел меня Шопенгауэр, которого я читал рано и с большим увлечением. Очень увлекался также Карлейлем. Канта я читал раньше русских критиков, традиционного влияния которых я совсем не пережил. К вопросам социальным я перешел позже, уже в университетские годы. В ранней юности мне пришлось близко столкнуться с оккультизмом типа Блаватской, и жизненная реакция против духа Индии и восточной

мистики толкнула меня в сторону западничества. Я пошел искать правды в кантианстве, марксизме и ницшеанстве. Позитивистом я никогда не был. Философское мировоззрение, которое отразилось в первых шагах моей литературной деятельности, можно назвать имманентным, идеализмом, выработанным под влиянием Канта и неокантианцев.

В 1894 г. я поступил в Киевский Университет, выдержав экстерном экзамен на аттестат зрелости, сначала на естественный факультет, а потом на юридический. Первый год своего студенчества я знакомился с людьми, с общественными настроениями молодежи, которая раньше была мне совсем чуждой вследствие моей замкнутой и экзотической жизни. Тогда марксизм переживал в России свой медовый месяц и в Киеве было большое умственное оживление. Мои философские стремления столкнулись с социальными стремлениями к свободе и справедливости, и после всяких духовных борений я принял марксизм в критической его форме, сочетав его с идеалистическими основами мировоззрения. От народничества у меня было всегда решительное отталкивание. Параллельно я переживал Ницше, Ибсена, Бодлера, Метерлинка. Практическим политиком я никогда не был, но мои марксистские связи и мое участие в умственной борьбе привели к тому, что в 1898 г. я был арестован и привлечен по социал-демократическому делу. Я был исключен из Университета и в 1900 г. сослан на три года в Вологодскую губернию. В годы моего пребывания в Вологде у меня произошел окончательный разрыв с марксизмом даже в критической его форме и вообще со всеми формами подчинения духовной жизни социальной среде. Этот процесс самоосвобождения духовной жизни личности привел меня к христианству. После 1905 года мое духовное развитие совершалось уже внутри христианства.

Писать для себя я начал очень рано. Но первая моя статья была напечатана по немецки в 1899 г. в журнале «*Neue Zeit*» и называлась «*F. A. Lange und die Kritische Philosophie in ihre Beziehung zum Sozialismus*». В 1900 г. появилась моя первая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», в которой я пытался соединить идеализм с критическим марксизмом. К книге написал большое предисловие П. Б. Струве, с которым у меня было много общего. В марксистских кругах книга эта была принята враждебно и была понята как критика марксизма и критика позитивизма. В народнических кругах книгу встретили еще враждебнее, так как она была направлена против Н. К. Михайловского, к которому, впрочем, я всегда отно-

сился с некоторым сочувствием. В 1901 г. я напечатал в «Мире Божьем» статью «Борьба за идеализм», в которой отразился кризис моего мирозерцания. В 1902 г. вышел сборник «Проблемы идеализма», в котором была помещена моя статья «Этическая проблема в свете философского идеализма». В этом же году я написал статью о Метерлинке под названием «К философии трагедии». Потом напечатал несколько статей в «Мире Божьем» и «Вопросах философии и психологии», а также одну статью в заграничном «Освобождении», под заглавием «Политический смысл религиозного брожения в России». Я участвовал за границей в основании «Союза Освобождения», был делегатом на первом съезде освобожденцев. Но особенно активного участия в политической деятельности не принимал. В 1904 г. вместе с С. Н. Булгаковым я участвовал в преобразовании «Нового пути» в новый журнал, для чего мы соединились с Д. С. Мережковским. С 1905 г. мы основали собственный журнал «Вопросы Жизни», где я поместил ряд статей. В 1907 г. я выпустил сборник своих статей под заглавием «*Sub specie aeternitatis*». Книга эта есть сложный путь от имманентного идеализма, критического марксизма и эстетического модернизма к христианству нового сознания. Мое новое мирозерцание выразилось в книге «Новое религиозное сознание и общественность», выпущенной в 1908 г. Я был инициатором и основателем Петербургского религиозно-философского общества в 1909 г. Разочарование в отрицательном и хаотическом характере русской революции и сознание неизбежности коренного изменения традиционного сознания и душевного уклада русской интеллигенции породили ряд статей в «Московском Еженедельнике», «Русской Мысли», «Слове» и «Вопросах философии и психологии», которые потом вышли отдельной книгой под заглавием «Духовный кризис интеллигенции». В 1910 г. я переехал из Петербурга в Москву и сблизился с московскими религиозно-философскими кругами. В 1911 г. я участвовал в создании религиозно-философского книгоиздательства «Путь» вместе с С. Н. Булгаковым, Г. А. Рачинским, кн. Е. Н. Трубецким и В. Ф. Эрном. В «Пути» я выпустил книгу «Философия свободы» и монографию о Хомякове, а также участвовал в сборниках «Пути» о Вл. Соловьеве и Л. Толстом. Огромное значение в моей жизни имело путешествие в Италию в 1912 г.

(Написано в 1913 г.)